

УДК 81'27: 81'282.4

РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ: ФОРМЫ И ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Елена Александровна Оглезнева

д. филол. н., директор Института международных связей и интернационализации образования, профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан

Томский государственный архитектурно-строительный университет

634003, Томск, Соляная площадь 2, eoglezneva@yandex.ru

В статье анализируются формы и варианты языкового существования, которые возникли в условиях контакта русского и китайского языков в XIX–XXI вв. В фокусе внимания оказались следующие формы русского языкового существования, в которых проявляется русско-китайское языковое взаимодействие: русский литературный язык, имеющий лексические заимствования из китайского языка; русско-китайский пиджин – контактный язык, возникающий при неофициальных контактах русских и китайцев; русский язык зарубежья, используемый на территории Китая в местах компактного проживания русскоязычного населения; региональные варианты русского языка на приграничных с Китаем территориях – в Приамурье, Приморье, Забайкалье.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; языковой контакт; лексические заимствования; русско-китайский пиджин; русский язык зарубежья; дальневосточный региолект.

Введение

Языковые контакты определяют уникальность и своеобразие языкового существования в том или ином географическом пространстве, делают его в своем роде единственным, отличным от других. Тесное историческое взаимодействие и территориальная соположенность русской и китайской цивилизаций и культур на протяжении веков повлекли за собой русско-китайское языковое контактирование, проявляющееся в разных языковых формах и вариантах этих форм.

Целью статьи является установление и анализ тех форм и вариантов языкового существования, которые возникли в условиях контакта русского и китайского языков в XIX–XXI вв. Основное внимание в статье уделено русскому языку, кроме того, представлены наблюдения по отношению к китайскому языку.

Источниками для анализа послужили как лингвистические и исторические источники, так и материалы полевых наблюдений за этими формами и вариантами и их функционированием в естественных условиях, сделанные в период с 1998 г. по настоящее время.

Среди основных форм языкового существования, в которых проявляется русско-китайское языковое взаимодействие, можно назвать следующие:

- во-первых, русский литературный язык, в котором имеются лексические заимствования из китайского языка;
- во-вторых, русско-китайский пиджин – контактный язык, возникающий при неофициальных контактах русских и китайцев как на приграничных российско-китайских территориях, так и на внутренних территориях России и Китая;
- в-третьих, русский язык зарубежья, а именно – русский язык, используемый на территории Китая в местах компактного проживания русскоязычного населения;
- в-четвертых, региональные варианты русского языка на приграничных с Китаем территориях – в Приамурье, Приморье, Забайкалье.

В каждом из названных случаев имеется собственная специфика и собственные механизмы языкового взаимодействия, сложившиеся в условиях русско-китайского контактирования.

1. Русский литературный язык: лексические заимствования из китайского языка

Количество китайских заимствований в русском языке сравнительно невелико – около 70 [Оглезнева, Чжу Шаохуа 1999: 37]. Такой вывод был сделан по результатам выборки из Большого и Малого академических словарей русского языка [БАС 1950–1965; МАС 1985–1988], Словаря

русского языка в 4 т. под редакцией Д.Н. Ушакова [Толковый словарь 1935–1940], Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1997], Словаря иностранных слов [Словарь иностранных слов 1984]), сделанной китайским исследователем Чжу Шаогуа.

По данным двуязычных словарей, например «Большого русско-китайского словаря», изданного Хэйлунцзянским университетом, и с учетом новейших заимствований их больше [Большой русско-китайский словарь 1986]. При подсчетах учитывались как непосредственные, так и опосредованные заимствования. Основная масса китайских заимствований пришла в русский из других языков. В качестве языков-посредников выступали тюркский (из тюркского в русский язык проникли слова *чай*, *фанза*, *пайза* и др., а также слово *Китай*), английский (*локва*, *сампан*, *тайфун*, *оолонг*, *чау-чау*, *джонка*), французский (*нанка*, *саржа*, *калган*), древнескандинавский (*шелк*), японский (*соя*, *дзюдо*) и др. Непосредственных заимствований из китайского языка очень немного: это названия политических партий, движений, группировок (*хунхуз*, *цзаофани*, *гоминьдан*), международные названия китайских единиц меры (*юань*, *цзинь*, *лян*) и др.

Немногочисленность китайских заимствований отчасти связана с обособленностью существования китайской цивилизации, а также с типологическим различием русского и китайского языков, что не способствовало активному языковому контактированию.

Одной из многочисленных по составу тематических групп китайских заимствований является группа «Названия тканей», что свидетельствует о развитости текстильного дела в Китае и о том, что это один из основных видов товаров, поставляемых европейцами по морскому и «Великому шелковому пути» (со II в. до н.э. до XVI в. н.э.). Значительная часть китайских заимствований представляет собой экзотическую лексику, называющую не характерные для русской действительности предметы и явления: названия китайских денежных единиц (*юань*, *фэнь*), единиц меры (*му*, *цзинь*), особых продуктов питания (*гаолян*, *баоцзы*), тканей (*нанка*, *чесуча*), других особых китайских реалий (*фанза*, *кан*), в том числе политических (*хунвэйбины*, *гоминьдан*) и некоторые др.

Освоение китайских заимствований системой русского языка также имеет свои особенности, в первую очередь на фонетическом уровне. При опосредованном заимствовании из китайского адаптируется не само китайское слово, а его эк-

вивалент из другого языка, а при непосредственном заимствовании китайское слово претерпевает, как правило, значительные фонетические преобразования. Так, слово *ходя* в китайском языке произносится *hui-zi* (хо-цзи), слово *фанза* – *fan-zi* (фан-цзы), имя китайского мудреца *Конфуция* – *Kong-fu-zi* (кун-фу-цзы) с тоническим ударением, которое в русском языке меняется на силовое.

По частеречной принадлежности китайские заимствования являются существительными (кроме слова *байховый*), которые приобретают в русском языке характерные для этой части речи категории рода, числа, падежа и способность изменяться, если только они не заканчиваются на гласные *-и*, *-о* или *-у* (типа *кули*, *ушу*, *дзюдо*).

Ставшие общеупотребительными заимствованные лексемы дали богатые словообразовательные гнезда (*чай* – всего 60 слов, например *чайный*, *чайник*, *чаевничать*, *чаевод*, *чаинка* и др.; *шелк* – всего 40 слов; *Китай* – всего 13 слов) и вошли в состав многочисленных идиоматических выражений в качестве их компонентов (например *китайская грамота*; *гонять чай*; *в долгу как в шелку* и т.д.).

Таким образом, китайские заимствования в русском языке представляют собой реальный факт языкового контактирования разных по своей лингвистической сути языков. Степень и способы этого контактирования обусловлены как лингвистическими, внутрисистемными, так и экстралингвистическими факторами.

В то же время в китайском литературном языке – путунхуа – также имеются заимствования из русского языка [Шипановская, Цзян Ин 2016: 118]. Как отмечают китайские исследователи, до XXI в. в китайском языке было 405 слов, заимствованных из русского языка. Более 90% из них вошли в китайский язык в 50-60-е гг. XX в.: *большевик*, *катюша* (реактивная установка), *кириллица*, *трактор*, *колхоз*, *комсомол*, *хлеб*, *квас*, *рубль*, *ура* и др. Это было обусловлено особыми отношениями СССР и КНР в тот период, когда Советский Союз рассматривался Китаем как «старший брат» и образец политического подражания [Лю Чжэньян и др. 1984: 6]. Часть заимствованной из русского языка лексики активно используются в речи (*большевик*, *дума*, *катюша*, *сарафан* и др.), но есть слова, которые перестали употребляться (*берданка*, *верста*, *гопак*, *совхоз*, *червонец* и др.) [Гун Лэй 2015].

2. Русско-китайский пиджин

Это контактный язык, который использовали русские и китайцы в неофициальном общении.

Первые научные описания русско-китайского пиджина относятся еще к середине XIX в. [Александров 1884; Черепанов 1853; Шухардт 1884]. Русско-китайский пиджин относится к наиболее изученным пиджинам на русской основе, при этом он имел разные обозначения, кроме указанного: маймачинское [Александров 1884] или кяхтинское [Шухардт 1884] наречие, кяхтинское китайское наречие русского языка [Черепанов 1853], русско-китайский диалект [Шпринцин 1968], русско-китайский пиджин [Беликов 1997; Оглезнева 2007], забайкальско-маньчжурский препиджин [Ян Цзе 2007], сибирский русский пиджин [Перехвальская 2008] и др.

Русско-китайский пиджин возникал всякий раз на той территории, где осуществлялось взаимодействие китайского и русского населения, обычно это были отношения торговли. Можно выделить несколько **территориально-хронологических вариантов** русско-китайского пиджина в зависимости от места и времени его возникновения и функционирования: 1) маймачинское (кяхтинское) наречие – в Кяхте (Маймачене – по-монгольски) в XVIII–XIX вв., обслуживающее русскую караванную торговлю с Китаем; 2) русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке России – с конца XIX до 30-х гг. XX в., использовавшийся многочисленными китайцами, проживавшими на дальневосточных приграничных территориях; 3) харбинский вариант русско-китайского пиджина, существовавший в начале и середине XX в. в городе Харбине (Китай) и по линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где проживали русские эмигранты; 4) современный русско-китайский пиджин, функционирующий на Дальнем Востоке России и в российском Забайкалье, а также в приграничных с Россией китайских городах (Хэйхэ, Суйфынхэ, Маньчжурия, Хуньчунь) начиная с 90-х гг. XX в., который сопровождает коммуникацию при торговых и других контактах китайского и российского населения [Оглезнева 2007: 17].

Последний вариант пиджина был зафиксирован и во внутренних регионах России: там, где имеются китайские рынки, на которых китайцы продают русским покупателям товары китайского производства и говорят с ними на русском, как им кажется, языке, а на самом деле – на русско-китайском пиджине (например, на Октябрьском рынке в г. Томске) [Оглезнева, Парыгина, Чжан Синьянь 2018].

Использование русско-китайского пиджина имеет односторонний характер: этот контактный язык использует только одна сторона – главным образом китайцы. Русские же, чей язык положен

в основу русско-китайского пиджина, говорят на своем родном языке, лишь иногда вкрапляя в свою речь пиджинизированные фрагменты с целью быть лучше понятыми адресатами иного этноса, т. е. уровень их пользования пиджином ограничивается «регистром для иностранца».

Целостный лингвистический анализ современного русско-китайского пиджина представлен в монографии «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» [Оглезнева 2007], в которой содержится поуровневая характеристика этого контактного языка. Как любое языковое средство коммуникации, пиджин располагает звуками речи, лексиконом и грамматикой. Поскольку анализируемый пиджин возник на основе русского языка, для выявления его специфики логично сравнение фонетики, лексики, грамматики пиджина с фонетикой, лексикой, грамматикой русского языка. Интерес для исследователя, конечно же, представляют случаи несоответствия, которые являются результатом влияния (или давления) на носителя пиджина языкового стандарта родного – китайского – языка

В случае с пиджином неуместно говорить о нарушении норм одного языка под влиянием другого, т. к. мы имеем дело не с конкретными языками, а с межъязыковым образованием, не обладающим свойством нормативности. Важно отметить, что в условиях языкового контакта, приведшего к возникновению русско-китайского пиджина, взаимодействуют в первую очередь носители не нормированного литературного языка, а диалектной, просторечной, иногда и жаргонной форм речи. Поэтому в возникшем пиджине нашли отражение русские диалектные и просторечные черты, в частности на фонетическом и лексическом уровнях.

Отмечаются следующие особенности в **фонетике** современного русско-китайского пиджина: тенденция к избавлению от закрытых слогов (*друга, массажа, обуве, здесь, двацять восима*); сокращение количества слогов (*дъвенаць, опыты* – оптовые); тоновое произношение слогов русских слов; реализация смычных [б], [д], [г] как полувзвонких китайских [b], [d], [g] и др.; в **грамматике** – отсутствие словоизменения (одна усвоенная грамматическая форма используется во всех случаях употребления: *Если памели / не пайдёт / паменяй мозна*); использование аналитических глагольных форм (*Какой цвета / всё есть // Каричнина / чёрны / всё есть*); тяготение предиката к расположению в конце предложения (*Хароша дешёва есть; Други нада? Мая прадавай*) и др.; в **лексике** – сложные составные

наименования (*хулиган-падруга, фабрика-Пекин*); редуцированные наименования (*Хэйхэ сюда гуля-гуля долага*); слова с китайскими словообразовательными показателями (*десевле нетула*) и др.

Отмеченные языковые особенности современного русско-китайского пиджина имеют принципиальное качественное сходство с языковыми особенностями других территориально-хронологических вариантов, проявляющимися в способах редукции и модификации языка-источника при его преобразовании в пиджин [Оглезнева 2007: 146–148]. Это сходство возникших вариантов закономерно и демонстрирует способы языкового приспособления и тип языкового образования при столкновении таких языков, как русский и китайский, которые характеризуются типологической нетождественностью.

3. Русский язык восточного зарубежья в Китае

С конца XIX в. до начала XXI в. на территории Китая существуют регионы компактного проживания русскоязычного населения. Речь идет о тех русских и их потомках, которые массово переселялись в Китай из России в конце XIX в. и начале – середине XX в. Среди таких регионов можно назвать следующие:

- 1) Харбин и поселки по линии КВЖД, в которых проживали русские, занятые в строительстве железной дороги, а затем обслуживавшие ее;
- 2) приграничные с Россией территории на правом берегу реки Амур;
- 3) район так называемого Трехречья в районе Внутренняя Монголия в долине рек Ган, Дербул и Хаул – напротив российского Забайкалья;
- 4) Синьцзян-Уйгурский автономный район, граничащий с азиатскими республиками бывшего Советского Союза.

Каждый из этих регионов имеет свою историю появления русских, а лингвистическая история этих регионов наряду с общими тенденциями также имеет свою специфику.

Во всех перечисленных случаях можно говорить о функционировании на этих территориях такого варианта существования русского национального языка, как русский язык зарубежья. Это оказывается возможным по следующим причинам: 1) рассматриваемый языковой вариант имеет свой особый состав носителей – это русские переселенцы и их потомки; 2) данный вариант языка имеет языковую специфику, проявляющуюся в речи его носителей и отличающую их речь от речи носителей русского языка в метрополии.

Языковая специфика состоит в следующем: 1) языковая консервация того идиома русского языка, который был вывезен в зарубежье; 2) языковая интерференция со стороны языка принимающей страны – китайского. Эта специфика проявляется в речи представителей русского зарубежья (в данном случае – русского восточного зарубежья) по-разному и обусловлена конкретными историческими и социолингвистическими факторами.

Рассмотрим это на примере русского города Харбина в Китае – центра русского восточного зарубежья. Период русского пребывания там – с 1898 г. по 2006 г. (умерла последняя русская Харбина – Ефросинья Андреевна Никифорова). Массовый отъезд русских эмигрантов из Харбина (реэмиграция в Австралию, страны Южной и Северной Америки либо репатриация) пришелся на 50–60 гг. XX в. В 80-е гг. XX в. в Харбине осталось около 200 русских, а также многочисленные потомки от смешанных браков.

Доминирующий русский идиом, функционировавший в Харбине, – литературный язык в кодифицированной и разговорной формах. На протяжении всего русского присутствия там, до массового отъезда русских из Харбина, этот идиом поддерживался средним и высшим образованием на русском языке, православной церковью, русской периодикой, театром и другими институтами на русском языке [Оглезнева 2009: 25–36], а также сознательной языковой политикой диаспоры, направленной на сохранение родного языка [там же: 166–170].

Последние русские Харбина, с которыми мы беседовали в начале XXI в. (2000–2006 гг.), говорили на дореволюционном русском языке. На дореволюционном русском языке были написаны материалы в многочисленных русских газетах и журналах Харбина до тех пор, пока она существовала.

Для русского языка Харбина было свойственно употребление **архаичной**, с точки зрения носителя современного русского языка, лексики (*пансион, жалованье, пользовать*), наблюдалась архаичная синтагматика (*уехали в квартиру, требуется в отъезд*) и в некоторых случаях архаичное употребление грамматических форм.

В то же время в речи русских харбинцев использовалась **новая** лексика:

- 1) заимствования из китайского языка, не известные в языке метрополии (*та-хула, куня, ама*), кроме того, китайские заимствования, имевшие в языке метрополии статус экзотизмов, в Харбине теряли этот статус и исполь-

зовались частотно (*фанза, хунхуз, гаолян, рикша*);

- 2) заимствования из западноевропейских языков, которые входили в русский язык восточного зарубежья, часто параллельно с их вхождением в язык метрополии, но претерпевали отличную от языка метрополии адаптацию (*баскет-Болл, хенд-болл, volley-ball, basketball, джампер, джерсе, макияж, креп де-шин и креп-де-шин, доннер*);
- 3) новообразования, возникшие по словообразовательным моделям русского языка (*Трехречье, Желсоб, харбинец, хайларский, Захинганье*);
- 4) новые семантические дериваты (*линия 'территория вдоль линии КВЖД', вечные (фонарики) 'рассчитанный на длительное применение', маньчжуры 'название русских эмигрантов в Маньчжурии'*).

К числу особенностей русского языка восточного зарубежья можно отнести то, что в ходу были слова и идиоматические выражения, которые можно назвать собственно харбинскими, поскольку они появились в речевом обиходе русских харбинцев и отражали реалии русской харбинской действительности (уже упомянутые *линия, дорога, Желсоб*, а также *под запишу, толкай-толкай, собачий номер, за речку, унести за Чурина* и др.).

Все это свидетельствует о полноценном функционировании русской языковой системы в восточном зарубежье на протяжении многих десятков лет до массового исхода русских из Харбина (50–60-е гг. XX в.) в условиях контакта с китайским языком, но при сохранении собственной автономии.

В 2000 г. в Харбине оставалось всего 6 русских. Все шестеро владели русским языком без малейших следов интерференции со стороны китайского языка, который, к тому же, большинство из них не знало.

Был и другой результат языкового контактирования в русском Харбине, проявившийся у потомков русских от смешанных браков с местным китайским населением. В смешанных русско-китайских семьях могли использоваться оба языка – китайский (как правило, это язык отца) и русский (язык матери). Однако русский язык здесь оказывался в слабой позиции, не совпадая с языком страны проживания – государственным, титульным, официальным китайским языком. Кроме того, отрицательную роль сыграла и Культурная революция, во время которой стало безопаснее принадлежать к китайской нации. Наблюдения показали, что русский язык первого поколения метисов испытал серьезную интерфе-

ренцию со стороны китайского языка, а во втором поколении большинство метисов не говорило по-русски, третье поколение не говорило по-русски или начинало изучать русский язык как иностранный в учебных заведениях [Оглезнева 2008]. На основании этого можно сделать вывод о том, что метисация является важным фактором, предопределяющим результат языкового контакта.

В других регионах Китая – Трехречье, Приамурье, Синьцзяне, где до сих пор проживает русскоязычное население, ситуация несколько иная, чем в русском Харбине во время массового присутствия русских там, и, соответственно, несколько отличные результаты языкового контактирования. Факторами, повлиявшими на эти результаты, являются

- наличие/отсутствие метисации (в Трехречье и Приамурье проживают в настоящее время только потомки русских от смешанных браков; в Синьцзяне – не только потомки русских от смешанных браков, но и чистокровные русские);
- доминирующий русский идиом: в Трехречье, Синьцзяне и Приамурье это был диалект, в отличие от Харбина, где доминирующим идиомом был литературный язык.

Известно, что на территории России, в частности в Приамурье, в начале XX в. проживало большое количество китайцев, которые вступали в брак с русскими женщинами. Были села со смешанным русско-китайским населением (например, село Климоуцы Свободненского района Амурской области). В настоящее время в этих селах проживают потомки китайцев, родившиеся в смешанных браках и не говорящие по-китайски [Архипова, Белоусова 2010; Оглезнева 2010]. Потомки китайцев, проживавших в России, уже в первом поколении не знали китайского языка.

4. Региональные варианты русского языка на приграничных с Китаем территориях

В последние десятилетия в фокусе пристального исследовательского внимания находятся региональные варианты русского национального языка, или региолекты [Егодурова 2018; Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова 2012; Игнатович 2009; Майоров 2016; Оглезнева 2013; Теркулов и др 2018 и др.].

Одним из специфичных явлений того или иного региолекта выступают лексические заимствования, используемые на определенной территории России и не известные всем носителям русского языка, т. е. являющиеся регионализмами. Под регионализмами нами понимаются язы-

ковые единицы, употребление которых ограничено той или иной территорией. Они используются как в городской, так и сельской речи региона и не зафиксированы в словарях, т. к. не являются общерусскими [Оглезнева 2014: 73], либо имеют в словарях пометы, указывающие на локальность/региональность употребления.

Лексические заимствования обычно являются наиболее колоритной составляющей того или иного диалекта, представляя собой результат языкового контакта. Так, для речи дальневосточников – носителей дальневосточного варианта русского языка (дальневосточного диалекта), проживающих в Приамурье и Приморье – характерны заимствования из китайского языка, которые прочно вошли в их разговорную речь: *камбэй* ‘предложение выпить до дна’, *куня* ‘девушка, молодая женщина’, *нихао* ‘китайское приветствие «здравствуйте»’, *фанза* ‘жилище, квартира невысокого качества’, *фуюань*, *фувуюань* ‘обслуживающий персонал в гостинице, ресторане’, *хана* ‘китайская водка’, *чисанчи*, *тисанчи* ‘название блюда китайской кухни из баклажанов, картофеля и зеленого перца’, *чифан* ‘китайская еда, блюда китайской кухни’ и некоторые др. [Оглезнева 2013: 33]. Территориальная близость Дальнего Востока к Китаю объясняет наличие заимствований из китайского языка в дальневосточном диалекте русского языка при том, что в русском языке в целом заимствования из китайского языка немногочисленны. Процесс освоения заимствованной лексики из китайского языка в дальневосточном диалекте русского национального языка активизировался в связи с развитием в последние десятилетия отношений между Россией и Китаем в сфере как официальной, так и неофициальной коммуникации. Аналогичные процессы происходят и в Забайкалье, но носят там менее интенсивный характер (известно, что там в ходу такие лексемы как *зубаджоу*, *чисанчи* – названия китайских блюд).

Среди региональных лексических заимствований следует выделить такие, которые представлены в толковых словарях русского языка, но имеют там статус экзотизмов, в диалекте же эти лексические единицы обладают высокой частотностью и являются названиями не только экзотических реалий. Например, у слова *фанза*, имеющего значение ‘китайское жилище’, в дальневосточном диалекте, кроме этого значения, развилось еще одно: ‘жилище, квартира невысокого качества’.

Таким образом, региональные лексические заимствования, составляя специфику того или иного диалекта, являются в то же время тем

отличительным признаком, который может выступать как дифференцирующий при разграничении диалектов и способствовать определению границ регионального членения современного русского национального языка.

Поднимая вопрос о региональном членении русского национального языка, мы предлагаем ориентироваться на административно-территориальные границы больших региональных формирований России [Оглезнева 2014: 81], «накладывая» при этом дальневосточный диалект, который был в фокусе внимания в упомянутом исследовании, на Дальневосточный федеральный округ. Очевидна условность такого наложения, которое позволяет, с одной стороны, увидеть общие для всего региона языковые особенности, а с другой стороны – языковые отличия данного региона от других, как находящихся в соседстве с ним, так и отдаленных. Так, в частности, совокупность региональных лексических заимствований, характерных для всего дальневосточного региона, позволяет строить гипотезу о территории распространения дальневосточного диалекта. Главным образом это региональные заимствования из китайского языка *чисанчи*, *камбэй*, *хана*, *нихао*, *шанго*, распространенные на всей территории Дальнего Востока. Однако и на уровне заимствований внутри региона возможна дифференциация: так, в Приамурье региональных заимствований из китайского языка больше и их включенность в системные лексические отношения выше, чем на других дальневосточных территориях. Следовательно, возможно дальнейшее внутридиалектное членение, при котором региональные лексические заимствования могут выступать как идентификаторы единиц регионального членения, меньших, чем диалект. Например, в Приамурье известны упомянутые выше лексемы *фуюань/фувуюань*, *куня*, *пухао* и некоторые другие, не распространенные на других дальневосточных территориях и потому выступающие дифференциальным признаком для приамурского варианта дальневосточного диалекта. На основании всего вышесказанного можно предположить, что дальневосточный диалект представлен несколькими вариантами: приамурским, приморским, забайкальским и др.

Известно, что в китайском языке северо-востока Китая, непосредственно граничащего с Россией, также присутствуют региональные заимствования из русского языка, не известные всем носителям китайского языка: *bayangqin* ‘баян’, *lieba* ‘хлеб’, *malinguo* ‘малина’, *shayike* ‘сайка’, *suhali* ‘сухари’, *ximidan* ‘сметана’, *biwa* ‘пиво’, *gebidan* ‘капитан’, *madamu* ‘мадам’, *saodazi*

‘солдат’, *mashen* ‘машина’, *gelan* ‘кран’, *lanbao* ‘лампа, ведро’, *halashao* ‘хорошо’, *niedu* ‘нету’ и некоторые др. [Ли Жун, Инь Шичао 1997; Мэн Лу 2014].

Выводы

Итак, выявленный состав форм русского языкового существования, возникших в результате контакта русского и китайского языков, и их вариантов можно рассматривать как о матрицу, модель для анализа языковых форм и вариантов в иных условиях языкового контактирования.

Список словарей

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Большой русско-китайский словарь. Харбин: Изд-во Хэйлуцзянского ун-та, 1986.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

Ли Жун, Инь Шичао. Словарь Харбинского диалекта. Нанькин: Цзянсуское образовательное издательство, 1997. 492 с.

Лю Чжэньянь и др. Словарь китайских заимствований / Лю Чжэньянь, Гао Минкай, Май Юнцянь, Ши Юйвэй. Шанхай: Изд-во словарей, 1984. 422 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.

Словарь иностранных слов: 11-е изд. М.: Русский язык, 1984. 608 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.И. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

Список литературы

Александров А. Маймачинское наречие // Русский филологический вестник. Т. 12, № 3. Варшава, 1884. С. 160–163.

Архипова Н.Г., Белоусова Е.В. Соединение славянской и восточной культур в одной языковой личности // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: матер. науч. экспедиций / Амурск. гос. ун-т. Благовещенск, 2010. Вып. 8: Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. С. 130–136.

Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М.: Филол. фак-т МГУ, 1997. С. 90–108.

Гун Лэй Процесс развития русских заимствованных слов в китайской лексике (в историческом аспекте) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9–2. С. 21–25.

Егодурова В.М. Русский язык в Байкальском регионе: лексико-семантический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ун-та, 2018. 124 с.

Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. М.: Флинта, 2012. 107 с.

Игнатович Т.Ю. К вопросу о региональной языковой специфике в отражении русской ценностной картины мира // Новое в славянской филологии / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 4. С. 222–228.

Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75, № 1. С. 51–55.

Мэн Лу Анализ русско-китайского пиджина в приграничном с Россией Китае // Шэньчжоу. 2014. № 8. С. 104–107.

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2007. 264 с.

Оглезнева Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей восточной ветви русского зарубежья) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 2., ч. 2. С. 279–286.

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 352 с.

Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: матер. науч. экспедиций / Амурск. гос. ун-т. Благовещенск, 2010. Вып. 8: Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. С. 6–25.

Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике // Региональные варианты национального языка: матер. Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013. С. 81–83.

Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект как региональный вариант русского национального языка // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлуцзян, Китай) / под ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 67–97.

Оглезнева Е.А., Парыгина И.А., Чжан Синьянь Языковая ситуация в современном сибирском

городе: состав идиомов и особенности их функционирования (на примере г. Томска) // *Язык, сознание, коммуникация* / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 58. С. 67–74.

Оглезнева Е.А., Чжу Шаоха. Китайские заимствования в русском языке // *Филология: сб. работ преподавателей и аспирантов Амурск. гос. ун-та и Пекинск. ун-та* / под. ред. Л.М. Шипановской, Жэнь Гуаньсяня. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 1999. С. 37–39.

Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетей, 2008. 363 с.

Теркулов В.И. и др. Донецкий региолект / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. Донецк: ООО «НПП Фолиант», 2018. 265 с.

Черепанов С.Н. Кяхтинское китайское наречие русского языка // *Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности*. Т. 2. 1853.

Шипановская Л.М., Цзян Ин Лексические заимствования из русского языка в китайский: исторический аспект (на материале «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня, Гао Минкяя, Май Юнцяня, Ши Юйвэя, 1984) // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2016. № 2(2). С. 112–123.

Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // *Страны и народы Востока*. М., 1968. Вып. 4. С. 86–100.

Шухардт Г. Маймачинское наречие // *Русский филологический вестник*. 1884. Т. 12, № 4. С. 318–320.

Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования // *Вопросы языкознания*. 2007. № 2. С. 67–74.

RUSSIAN LANGUAGE IN TERMS OF LANGUAGE CONTACT WITH CHINESE: FORMS AND OPTIONS OF INTERACTION

Elena A. Oglezneva

**Director of the Institute of International Relations and Internationalization of Education,
Professor, the Russian Language and Special Disciplines for Foreign Citizens Department
Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering**

The article analyzes the forms and variants of linguistic existence that arose in the conditions of contact between the Russian and Chinese languages in the XIX–XXI centuries. Russian linguistic existence focused on the following forms in which the Russian-Chinese language interaction manifests itself: Russian is a literary language that has lexical borrowings from the Chinese language; Russian-Chinese pidgin is a contact language that occurs during informal contacts between the Russians and Chinese; Russian is a foreign language used in China in places where the Russian-speaking population lives compactly; regional variants of the Russian language in the territories bordering with China – in the Amur region, Primorye, Transbaikalia.

Keywords: Russian language; Chinese language; language contact; lexical borrowings; Russian-Chinese pidgin; Russian language of the Eastern abroad; Far Eastern regiolect.